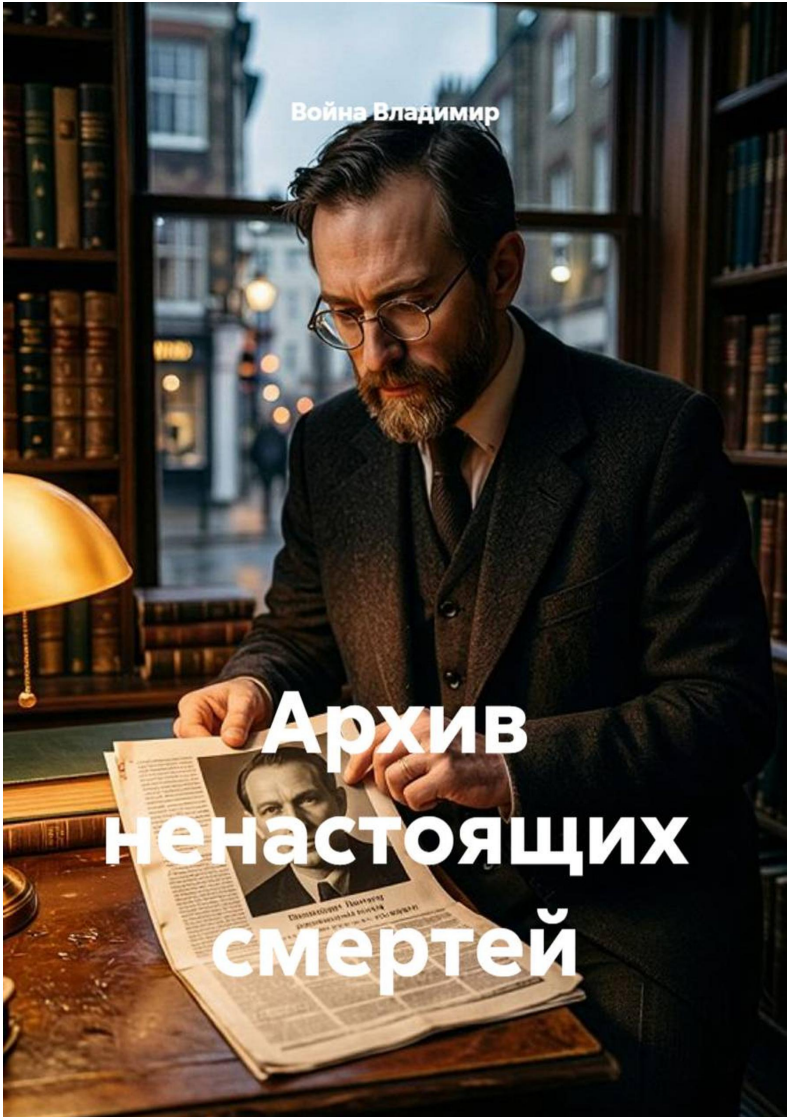

Война Владимир
Архив ненастоящих смертей

Война Владимир
Архив ненастоящих смертей

https://litres.ru/74815583
SelfPub; 2026

Аннотация

Эдвин Прайс, лондонский лексикограф, получает заявку на статью о Викторе Лэнгли, умершем в 1974-м. На газетной фотографии — его лицо, но некролог утверждает, что Лэнгли мёртв почти полвека.

Расследование показывает, что его жизнь — это профиль, созданный секретной программой «Архив ненастоящих смертей», предназначенной для агентов глубокого внедрения. Он не человек, а призрак, слишком долго считавший себя живым.

«Архив ненастоящих смертей» — это интеллектуальный хоррор о паранойе, иллюзорности реальности и распаде памяти. Главный ужас — это то, что делает нас людьми, когда всё остальное — текст.

Архив ненастоящих смертей

Глава перва
Словарь как зеркало

Меня зовут Эдвин Прайс, и я существую. Это утверждение может показаться излишним — кто, кроме персонажей Декарта и сотрудников службы социального обеспечения, нуждается в подобных декларациях? — но я вынужден начать с него, поскольку вскоре вам предстоит усомниться в обратном.

Я работаю корректором биографических статей для расширенного издания Оксфордского словаря английского языка. Третье издание, том «Альфа — Бэз». Слово «альфа» в моём случае означает начало, хотя, как выяснится, оно же означает и конец. Но об этом позже. Сейчас — о рутине.

Мой кабинет расположен на третьем этаже здания, построенного в викторианскую эпоху и с тех пор пережившего три ремонта, два пожара и одну кампанию по борьбе с плесенью, закончившуюся поражением плесени. Окно выходит на внутренний двор, где растёт чахлый платан и стоит мусорный контейнер, который никогда не меняет положения, но каждую неделю меняет содержимое: кто-то из соседей выбрасывает исключительно бутылки из-под бурбона и короб-

ки от пиццы. Я не знаю этого соседа, но мысленно называю его Биллом — в честь Билла Уизерса, персонажа из словаря, чья статья, посвящённая слову «безрадостный», никогда не будет мной дописана.

В тот день — вторник, четырнадцатое марта, если вам важны даты, хотя я не уверен, что даты имеют значение для того, что произойдёт — я получил заявку.

Заявки приходят в бумажном виде, в синих папках, перевязанных бечёвкой. Это анахронизм, но Оксфордский словарь — организация, которая относится к анахронизмам с той же нежной заботой, с какой садовник относится к растениям из Красной книги. Заявка содержала стандартную форму: имя, годы жизни, род занятий, источник данных, — и фотокопию газетной вырезки.

Имя: Виктор Лэнгли.

Годы жизни: 1932 — 1974.

Род занятий: художник-миниатюрист.

Источник: «Таймс», некролог, 3 ноября 1974.

Я прочёл первые строки некролога и почувствовал, как платан за окном на мгновение покачнулся — хотя ветра не было.

«Мистер Лэнгли родился в Лондоне в семье Генри и Маргарет Лэнгли, урождённой Прайс…»

Прайс. Моя мать, Маргарет, урождённая Прайс, была замужем за Генри Лэнгли — так утверждал некролог. Моя мать, Маргарет, урождённая Прайс, была замужем за Генри

Прайсом — так утверждало моё свидетельство о рождении. Одна и та же женщина. Два разных мужа. Или один муж с двумя фамилиями, что уже само по себе странно, но не невозможно.

Я отложил папку. Затем взял её снова. Затем положил на стол и посмотрел на неё так, как смотрят на собаку, которая вдруг заговорила человеческим голосом: с вежливым ужасом.

В некрологе говорилось, что Виктор Лэнгли погиб при пожаре в загородном доме. Что его тело было обнаружено на втором этаже, в библиотеке. Что он был один. Что пожар начался из-за неисправной проводки. Что ему было сорок два года.

Мне было пятьдесят два. Я был жив. И я не узнавал своего лица в зеркале последние три года.

Диагноз, который мне поставили, называется прозопагнозия — неспособность распознавать лица. В моём случае — избирательная. Я узнаю коллег, соседей, продавца в лавке на углу. Я не узнаю себя. Каждое утро я подхожу к зеркалу в ванной, и каждое утро там оказывается человек, которого я никогда раньше не видел. Он выглядит усталым. У него седые виски, глубокие морщины у рта и глаза, в которых застыло выражение человека, забывшего, зачем он вошёл в комнату.

Врач сказал, что это стресс. Что это возраст. Что это «особенность восприятия, не влияющая на качество жизни».

Я не сказал врачу, что иногда мне кажется, будто я читаю свою биографию в чужой книге. Что мои детские воспоминания — запах отцовского табака, скрип половиц на кухне, вкус овсянки с корицей — ощущаются как текст, набранный чужим шрифтом. Что когда я вспоминаю лицо матери, я вижу не образ, а описание: «женщина с мягким взглядом и привычкой поправлять воротник, даже когда он в порядке».

Я не сказал врачу, потому что врачи лечат тело. А мне казалось, что моё тело — не то, что нужно лечить.

Вернувшись домой в тот вечер — квартира на Холлоуэй-роуд, две комнаты и кухня, где я ем стоя, потому что сидеть за столом в одиночестве кажется мне слишком театральным — я достал из шкафа коробку с документами.

Свидетельство о рождении: Эдвин Генри Прайс, родился 12 августа 1971 года в Лондоне. Отец: Генри Прайс, бухгалтер. Мать: Маргарет Прайс, домохозяйка.

Свидетельство о смерти отца: Генри Прайс, скончался 3 марта 1989 года, причина — инфаркт.

Свидетельство о смерти матери: Маргарет Прайс, скончалась 17 июня 1995 года, причина — пневмония.

Школьный аттестат: оценки «отлично» по английскому, истории и латыни. Оценки «удовлетворительно» по математике и физике.

Диплом: Оксфорд, факультет английского языка, специализация — лексикография.

Я разложил документы на полу, как раскладывают па-

сьянс, и стал искать несоответствия. Их не было. Всё сходилось. Всё было правильно.

Но чем дольше я смотрел на эти бумаги, тем сильнее мне казалось, что я смотрю на декорации. Что где-то за ними есть другая сцена, на которой стоит другой человек, и этот человек держит в руках моё свидетельство о рождении и смеётся.

На следующий день я отправился в архив «Таймс». Мне нужно было проверить некролог. Не потому, что я верил в его правдивость — я не верил, — а потому, что мне нужна была ошибка. Бюрократическая опечатка. Сбой в системе. Что-то, что позволило бы мне вернуться к своей жизни и забыть об этом, как забывают о дурном сне.

Архив располагался в подвале здания на Пеннингтон-стрит. Микрофильмы хранились в металлических шкафах, пахнущих пылью и статическим электричеством. Я нашёл нужный рулон — ноябрь 1974 года — и вставил его в проектор.

Некролог был на третьей странице. Три колонки. Фотография.

Я смотрел на фотографию, и платан за окном снова покачнулся — хотя в подвале не было окон.

С фотографии на меня смотрел я. Не тот я, каким я был в 1974 году — я тогда ещё не родился, — а тот я, каким я стал бы через сорок лет. Морщины у рта. Глаза, в которых застыло выражение человека, забывшего, зачем он вошёл в комнату. Седина на висках — хотя в некрологе было напи-

сано, что Виктору Лэнгли было сорок два, а на фотографии было лицо пятидесятилетнего мужчины.

Я отмотал плёнку назад. Нашёл газету за 1972 год. За 1970. За 1968. Никаких упоминаний о Викторе Лэнгли. Ни одной выставки. Ни одной рецензии. Ни одного интервью. Художник-миниатюрист, который якобы работал двадцать лет, не оставил в газетах ни единого следа — кроме некролога.

Я вернулся домой и весь вечер просидел в кресле, глядя в стену. На стене висела репродукция «Менины» Веласкеса — я купил её в музейном магазине десять лет назад, потому что мне нравилась игра перспективы. Сейчас я смотрел на неё и думал: а что, если я — одна из фигур на этой картине? Что, если я стою на заднем плане, и кто-то смотрит на меня, и не видит, потому что я слишком маленький, слишком незначительный, слишком…

Я не закончил мысль. Вместо этого я пошёл в ванную и посмотрел в зеркало.

Человек в зеркале посмотрел на меня.

Я не узнал его. Но впервые за три года мне показалось, что я знаю, кто он.

В ту ночь мне приснился сон. Я стоял в библиотеке загородного дома. Пахло дымом. На полу лежали миниатюры — крошечные портреты людей, которых я никогда не видел. Я наклонился, чтобы поднять одну, и увидел на обороте надпись: «Эдвин Прайс. 1971 — 2023. Умер от истощения».

Я проснулся в четыре утра. За окном было темно. Платан стоял неподвижно. Мусорный контейнер был полон бутылок из-под бурбона — Билл явно переживал тяжёлый период.

Я встал, подошёл к письменному столу и открыл словарь на слове «архив».

«Архив, сущ. — 1. Собрание документов. 2. Место хранения документов. 3. Устар. Место, где хранят то, что не должно быть найдено».

Третье значение было помечено как устаревшее. Но я вдруг подумал, что оно — единственно верное.

Я взял ручку и на полях заявки на статью о Викторе Лэнгли написал: «Проверить. Он — это я».

Почерк был мой. Но я не помнил, как писал это.

Глава вторая

Первый свидетель

Человека, который утверждал, что знал Виктора Лэнгли, звали Артур Пенроуз. Он жил в Хэмпстеде, в доме с заросшим садом и табличкой на двери, где вместо имени было выгравировано: «Реставрация. Оценка. Конфиденциально».

Я нашёл его через архив галереи Тейт. В каталогах семидесятых годов значилось: «Виктор Лэнгли. Миниатюры. Выставка не состоялась». Ниже, карандашом, чья-то рука приписала: «Контакт — А. Пенроуз, оценщик».

Телефонный номер, указанный в каталоге, давно не отвечал. Я нашёл Пенроуза через налоговую службу — вернее, через её утечку, опубликованную в одной из лондонских

газет в двухтысячных. Пенроуз числился владельцем антикварной лавки на Чаринг-Кросс-роуд. Лавка была закрыта с 1998 года. Но дом в Хэмпстеде остался.

Он открыл дверь не сразу. Сначала я услышал шаги — медленные, шаркающие, — затем щелчок замка, затем паузу. Человек за дверью явно смотрел на меня в глазок и решал, стоит ли со мной разговаривать.

— Мистер Пенроуз? — сказал я. — Меня зовут Эдвин Прайс. Я работаю над статьёй для Оксфордского словаря. О Викторе Лэнгли.

Пауза затянулась. Я уже начал думать, что он не откроет, когда дверь распахнулась.

Пенроуз оказался маленьким, сухим стариком с лицом, похожим на сморщенное яблоко, забытое в ящике стола. Он смотрел на меня так, как смотрят на привидение: без страха, но с профессиональным интересом.

— Значит, вы всё-таки пришли, — сказал он.

— Вы меня ждали?

— Я ждал кого-то. — Он посторонился, пропуская меня в дом. — Входите. Осторожно, там порог. Он всегда был высокий, а теперь ещё и скрипит.

Внутри пахло пылью, скипидаром и чем-то ещё — сладковатым, старческим, как будто здесь давно не проветривали. Стены были увешаны миниатюрами в рамках. Десятки, сотни маленьких портретов. Лица размером с ноготь, написанные с той пугающей точностью, которая превращает кро-

шечное в монументальное.

— Вы коллекционер? — спросил я.

— Я был его дилером, — сказал Пенроуз. — Единственным. Присаживайтесь.

Я сел в кресло с продавленной обивкой. Пенроуз опустился напротив, в такое же кресло, и сложил руки на коленях. Его глаза были бледно-голубыми, почти прозрачными, как вода в стакане.

— Итак, — сказал он. — Что вы хотите знать?

— Всё, — сказал я. — Начните с того, каким он был.

Пенроуз улыбнулся. Улыбка у него была странная — не весёлая, а скорее удовлетворённая, как у человека, который наконец дождался гостя, чтобы рассказать ему историю, которую слишком долго держал в себе.

— Виктор Лэнгли, — начал он, — был самым талантливым миниатюристом, которого я видел за всю свою жизнь. И самым неприятным человеком, с которым мне доводилось работать. Он пил. Он был жесток. Он ненавидел женщин — по-настоящему, клинически, с той тихой одержимостью, которая пугает больше открытой агрессии. Он говорил, что женщины — это ошибка природы, что их лица — это маски, за которыми ничего нет. Он говорил, что пишет миниатюры только для того, чтобы доказать: человеческое лицо можно свести к чему-то настолько маленькому, что оно перестанет иметь значение.

Я слушал, и внутри меня что-то сжималось. Я никогда не

пил. Я никогда не ненавидел женщин. Я всегда считал лица — даже своё собственное — вместилищем смысла, а не пустоты.

— Вы уверены, что говорите о Викторе Лэнгли? — спросил я. — О художнике, который родился в 1932 году в Лондоне, в семье Генри и Маргарет Лэнгли?

— Уверен ли я? — Пенроуз наклонил голову. — Молодой человек, я знал его двадцать лет. Я продал его работ больше, чем кто-либо. Я был на его похоронах. Я видел, как его гроб опускали в землю. — Он помолчал. — Вы спрашиваете так, будто сомневаетесь.

— Я сомневаюсь, — сказал я. — Потому что я знаю другого Виктора Лэнгли. Или, точнее, я знаю человека, чьи документы совпадают с документами Лэнгли, но чья жизнь не имеет с вашим рассказом ничего общего.

Пенроуз смотрел на меня долго. Затем он встал, подошёл к бюро в углу комнаты и достал из ящика папку.

— Вот, — сказал он, протягивая мне фотографию. — Это Виктор. За год до смерти.

На фотографии был мужчина лет сорока, с тёмными волосами, зачёсанными назад, и лицом, которое я не узнал. Облегчение нахлынуло на меня так сильно, что я почти рассмеялся. Это был не я. Другое лицо. Другой человек. Ошибка, бюрократическая путаница, недоразумение.

Но потом я посмотрел на руки.

На фотографии мужчина держал кисть. Его правая рука

была вытянута вперёд, и на тыльной стороне ладони, у основания большого пальца, виднелся шрам — тонкая белая линия, похожая на полумесяц.

У меня был точно такой же шрам. С детства. Я получил его, упав с велосипеда в семь лет. Я помнил вкус крови во рту и то, как мать промывала рану под краном на кухне, приговаривая: «Тише, тише, всё заживёт».

Я смотрел на шрам на фотографии и чувствовал, как пол подо мной становится зыбким.

— Он был левшой, — сказал Пенроуз. — Но писал правой. Говорил, что левая рука — для того, чтобы держать стакан. — Он помолчал. — Вы побледнели. Вам плохо?

— Нет, — сказал я. — Продолжайте. Что случилось в 1974 году?

Пенроуз вернулся в кресло. Его лицо снова стало непроницаемым.

— Пожар, — сказал он. — Загородный дом в Суррее. Виктор жил там один последние годы. Он стал ещё более невыносимым, перестал выставляться, перестал отвечать на письма. Я навещал его раз в месяц — привозил деньги от продаж, забирал новые работы. В ноябре 1974-го я приехал и нашёл дом сгоревшим. Пожарные сказали, что проводка. Виктор был внутри. Они нашли его в библиотеке, на полу. Он лежал лицом вниз, и… — Пенроуз замолчал.

— И? — сказал я.

— И его лицо было обожжено до неузнаваемости. Опо-

знали по зубам и по часам. Часы были на левом запястье. Он всегда носил их на левом, хотя был левшой. Говорил, что так удобнее смотреть время, когда держишь кисть в правой.

Я вспомнил свои часы. Я носил их на левом запястье. Я всегда думал, что это просто привычка.

— Вы были на похоронах, — сказал я. — Вы видели тело?

— Гроб был закрыт, — сказал Пенроуз. — Но я видел то, что осталось. Достаточно, чтобы понять: это был он. Или то, что от него осталось.

Он снова помолчал, потом добавил тише:

— Я не сказал вам одну вещь. Когда я приехал на пепелище, через два дня после пожара, я нашёл в саду, под кустом роз, вот это.

Он достал из папки вторую фотографию. На ней была миниатюра — крошечный портрет мужчины с седыми висками и усталыми глазами. Мужчина был написан с той же пугающей точностью, что и остальные работы Лэнгли. Он был в очках. У него была родинка над левой бровью.

У меня была родинка над левой бровью.

— Это не Виктор, — сказал Пенроуз. — Я не знаю, кто это. Но Виктор написал его за неделю до смерти. И на обороте была надпись.

Он перевернул фотографию. На обороте миниатюры, нацарапанное тем же почерком, что и надпись на моей заявке — я узнал бы этот почерк где угодно, потому что это был мой почерк, — значилось:

«Э. П. Он придёт. Скажите ему, что я ждал».

Я вышел от Пенроуза в сумерках. Хэмпстед был тих, как бывает тих Лондон в те редкие вечера, когда никто никуда не спешит. Я сел на скамейку на краю Хит-парка и просидел там, наверное, час, глядя на то, как собаки гоняют друг друга по траве, а их хозяева делают вид, что не замечают.

Я думал о том, что Пенроуз мог ошибаться. Что фотография могла быть подделкой. Что шрам — совпадение. Что миниатюра с моим лицом — чья-то жестокая шутка, растянутая на пятьдесят лет.

Но я думал и о другом. О том, что Виктор Лэнгли умер за три года до моего рождения. Что его мать звали Маргарет Прайс. Что он был левшой, но писал правой. Что он носил часы на левом запястье. Что у него был шрам на том же месте, что у меня.

И ещё я думал о словах Пенроуза: «Он пил. Он был жесток. Он ненавидел женщин».

Я никогда не пил. Я никогда не был жесток. Я всегда считал, что женщины — это не ошибка природы, а её лучшее доказательство.

Но что, если я просто не помню?

Что, если те воспоминания, которые кажутся мне моими — запах отцовского табака, скрип половиц, вкус овсянки, — на самом деле не мои? Что, если они принадлежат человеку, которого я никогда не знал, но чьё имя я ношу?

Я достал телефон и набрал номер Пенроуза.

— Ещё один вопрос, — сказал я, когда он ответил. — Вы сказали, что Виктор ненавидел женщин. Но у него была мать. Маргарет. Вы её знали?

Пауза. Долгая.

— Маргарет Лэнгли умерла в 1969 году, — сказал Пенроуз. — Виктор не пришёл на похороны. Он сказал мне, что она была «первой из них». Я спросил: из кого? Он ответил: «Из тех, кто делает вид, что любит тебя, а потом оказывается, что это была не она, а кто-то другой».

Я закрыл глаза.

— Спасибо, — сказал я.

— Мистер Прайс, — сказал Пенроуз, прежде чем я повесил трубку. — Я не знаю, кто вы. Но если вы тот, о ком я думаю, то у вас есть примерно год. Виктор начал говорить странные вещи за год до пожара. Он говорил, что его время истекает. Что «архив» скоро его заберёт.

— Какой архив?

— Он не объяснил. Просто сказал: «Они хранят то, что не должно быть найдено».

Я повесил трубку и посмотрел на небо. Оно было серым, как страница старого словаря, на которой кто-то стёр определения, оставив только слова.

Дома я достал коробку с документами и снова разложил их на полу.

Свидетельство о рождении. Аттестат. Диплом. Всё сходилось. Всё было правильно.

Но теперь я смотрел на них иначе. Я смотрел на них так, как смотрит редактор на текст, который кажется безупречным, но в котором где-то спрятана ошибка. Одна ошибка. Может быть, опечатка. Может быть, пропущенная запятая. Может быть, слово, которое не принадлежит этому языку.

Я взял ручку и на обороте свидетельства о рождении написал: «Проверить: Маргарет Прайс — Маргарет Лэнгли. Одна и та же?»

Почерк был мой. Но я снова не помнил, как писал.

Я посмотрел на часы. Было ровно полночь. Платан за окном стоял неподвижно. Мусорный контейнер был пуст — Билл, видимо, допил последнюю бутылку.

И тогда я услышал запах дыма.

Не сигаретного. Не того, что доносится из соседского окна. А того, что остаётся после пожара — сладковатого, едкого, с металлическим привкусом.

Я обошёл квартиру. Проверил плиту. Проверил розетки. Открыл окна.

Запах не исчез.

Он шёл из стены. Из той стены, где висела репродукция «Менин».

Я подошёл к стене и приложил ладонь к обоям. Они были тёплыми.

Глава третья

То, что замуровано

Я не спал в ту ночь. Сидел в кресле напротив стены, смот-

рел на «Менины» и ждал, когда запах дыма исчезнет или, наоборот, станет невыносимым. Он не исчезал и не усиливался. Он просто был — как фон, как шум холодильника, как тиканье часов, которое замечаешь только тогда, когда оно прекращается.

К утру я принял решение. Я вызвал мастера.

— Вы уверены, что хотите вскрыть стену? — спросил мастер, мужчина лет пятидесяти с лицом человека, который видел слишком много чужого ремонта, чтобы чему-то удивляться. — Это несущая. Если там что-то есть, придётся укреплять.

— Уверен, — сказал я.

Он посмотрел на меня, потом на стену, потом снова на меня.

— Там что, труп?

— Не знаю, — сказал я честно. — Может быть.

Он не стал задавать больше вопросов. Просто достал перфоратор и начал работать.

Стена поддалась через час. Первым вышел запах — тот самый, сладковатый и едкий, только теперь в сто раз сильнее. Мастер отшатнулся и прикрыл нос рукавом. Я не отшатнулся. Я смотрел, как из стены сыплется кирпичная крона и штукатурка, и ждал.

За стеной оказалась пустота. Небольшая ниша, выложенная тем же кирпичом, что и сама стена. В нише стоял камин — старый, чугунный, покрытый слоем сажи, которая не

смывалась десятилетиями. А на полу ниши, у самого камина, лежала коробка.

Деревянная. Тёмное дерево, похожее на красное, с латунной защёлкой. Такие коробки делали в викторианские времена для хранения писем или фотографий. Я взял её в руки, и она показалась мне тёплой — не как стена, а как что-то живое, что только что держали в руках.

— Мне вызывать полицию? — спросил мастер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.